

**ИНТЕРСУБЪЕКТИВНАЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
НАУЧНОСТИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Колодина И.А.

Вологодский институт права и экономики ФСИН России (Россия, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2), agafonowa.i@yandex.ru

В статье раскрывается специфика понятия «интерсубъективность» как обоснования трансцендентальности гуманитарного знания. Показана эффективность и значимость интерсубъективной методологии в выявлении научности гуманитарных наук. Предложен новый метод обоснования трансцендентальности гуманитарного знания в виде анализа интерсубъективности, взаимосвязи субъекта и объекта, типологичности художественного образа на основе анализа произведений классической философской литературы (Э. Гуссерль, М.М. Бахтин) и современной (Л.А. Микешина), энциклопедической. Интерсубъективность, опыт Другого, художественный образ в многообразии его проявления – типического, мотива, топоса, архетипа служат методологическим обоснованием всеобщности, открытости, трансцендентальности, научности гуманитарного знания, позволяющих при наличии самостоятельного сознания оценивать окружающую действительность, меняться, вступая в диалогическую связь с другими сознаниями.

Ключевые слова: гуманитарное знание, текст, трансцендентальность, диалогичность, Другой, субъект, образ, интерсубъективность, контекстуальность.

INTERSUBJECTIVITY THEORY CONTEXSTUAL SCIENTIFIC OF THE HUMANITIES

Kolodina I.A.

*Vologda Institute of Law and Economics,
Vologda, Russia (160002 st. Shchetinin, 2) agafonowa.i@yandex.ru*

In article specificity of concept «intersubjectivity» as substantiations transcendence humanitarian knowledge reveals. Efficiency and the importance intersubjective is shown methodology in revealing scientific character of the humanities. The new method of a substantiation transcendence humanitarian knowledge in the form of the analysis intersubjectivity is offered, to interrelation of the subject and object, tipologichnost an artistic image on the basis of the analysis of products of the classical philosophical literature (E.Gusserl, M.M.Bakhtin) and modern (L.A.Mikeshina), encyclopaedic. The intersubjectivity, experience of Another, an artistic image in variety of its display – typical, motive, a top wasp, an archetype serve as a methodological substantiation of generality, an openness, transcendence, scientific character of the humanitarian knowledge, allowing in the presence of independent consciousness to estimate surrounding validity, to change, entering dialogical communication with other consciousnesses.

Key words: humanities, text, transcendence, dialogic, Other, subject, image, intersubjectivity, contextuality.

Одной из актуальных проблем философии науки на современном этапе ее развития является вопрос о статусе гуманитарного знания, его общности с естественно-научным. В контексте современной неклассической теории познания гуманитарное знание является эпистемологически полноценным и самодостаточным, «в нем представлены не только эмпирический, но и трансцендентальный уровни, хотя и в иной пропорции и в иных формах, нежели в естественных науках» [5, с. 50]. Способом доказательства трансцендентальности гуманитарного знания служит постановка новой проблемы контекстуального доказательства научности гуманитарного знания на основе анализа его интерсубъективного характера. Именно интерсубъективное обоснование

трансцендентальности гуманитарного знания, доказательства его объективности, всеобщности и научности является актуальной проблемой философии науки.

Специфика трансцендентальности гуманитарного знания состоит в анализе интерсубъективности, взаимосвязи субъекта и объекта, типологичности художественного образа. Представление познания через субъектно-объектные отношения в философии науки носит конкретно-исторический характер. Это вызвано тем, что «субъектно-объектное видение познавательной деятельности в полной мере сформировалось лишь в XVII–XVIII веках» [6, с. 27].

Так, в классическом представлении в связи с развитием науки укрепилось объектное осмысление действительности как следствие естественно-научной традиции, сформировалось представление о субъекте как о «мыслящей вещи» (Р. Декарт), противостоящей материальному миру. Историзм развития проблемы субъекта-объекта проявился также в том, что менялась трактовка содержания этих категорий и природы их взаимодействия. Для материалистического направления характерно понимание отношения «субъект-объект» как взаимодействия двух природных систем, следствие воздействия объекта на субъект, физического воздействия объекта на органы чувств, где признается активность только на стороне объекта и пассивно-созерцательная позиция субъекта. В деятельностно-натуралистической концепции, в частности в генетической эпистемологии, или «операциональной концепции интеллекта», французский психолог XX века Ж. Пиаже отводит ведущую роль в познании активной материальной деятельности субъекта.

Принципиально иной подход в понимании субъектно-объектных отношений и природы самого субъекта представлен в концепциях, где познание истолковывается как определяемое структурой самого сознания. При таком подходе центральной проблемой становятся обоснование знания, выявление нормативов, эталонов, позволяющих отделять знание от незнания, истинное от ложного. В классической теории познания субъект понимается как «лишенное пространственно-временного измерения трансперсональное прозрачное для самого себя сознание» [7, с. 553]. В неклассическом понимании данная теория трансформируется в способ обоснования с привлечением понятия «трансцендентальный субъект». Трансцендентальный субъект представляет собой не только «сознание вообще», а интерсубъективность, признающую «существование и самостоятельность других "монад", что предполагает теоретико-антропологическое расширение смыслов в коммуникативном синтезе интерпретаций, а также трансцендентально-герменевтическое понимание языка и ценностей как интерсубъективных объективно значимых духовных структур» [5, с. 51]. При этом выявляются два вида субъекта: индивидуальный эмпирический субъект и трансцендентальный, где последний понимается как независимый от эмпирического

телесного индивида и сообщества других «Я», как надиндивидуальная структура, обеспечивающая общезначимое объективное знание. Это развивающийся совокупный человеческий дух, соответствующий социокультурным измерениям процесса познания, где одно из значимых следствий – идея высокой духовной активности субъекта, его фундаментальной роли в процессе познания.

При таком подходе субъект предстает не как абстракция от индивидуума, его конкретных характеристик, а как категория, предполагающая включенность в условия, обстоятельства, среду и пр. Тем самым особенно значимым является «коллективный субъект познания и интерсубъективный характер самой познавательной деятельности» [5, с. 58]. Субъект гуманитарного знания становится трансцендентальным и несет в себе «сознание вообще» лишь в том случае, когда задается достаточно высокий уровень абстракции и теоретичности, обуславливающий переход к универсальному горизонту опыта других субъектов.

Большой вклад в разработку интерсубъективной методологии гуманитарного знания внес основоположник феноменологической философии Э. Гуссерль. В его понимании интерсубъективность выступает общей основой для исследования проблем «вчувствования в опыт Чужого» и построения общезначимого мира. Целью интерсубъективности является не доказательство существования других субъектов и общезначимого мира, а философское прояснение того, как этот мир конституируется в сознании.

Согласно учению Гуссерля, первичным феноменом общезначимого мира и исследований в области интерсубъективности становится другое Я. Анализ интерсубъективности предполагает соотнесение субъекта с чужой субъективностью с целью проследить, как она проявляется, исходя из сферы Собственного. При этом подпочвой сферы собственного выступает первичная природа, конституируемая в актах личностного восприятия мира, где Я обнаруживается в качестве единственно одушевленного. Но сознание, по Гуссерлю, не заключено в «одинокую камеру» и само не представляет собой «камеры», в которую было бы заключено какое-либо содержание. Оно несет в себе интенциональность, т.е. избыточность, выход за пределы моего Я и направленность на нечто такое, что не есть оно само.

При таком подходе посредствующим звеном выступает Другое, которое не есть дубликат Я, а нечто иное, трансцендентное по отношению к Я. Тем самым Другое Я выступает всегда как сосуществующее с Я, но не помещенное в него. Я проникает в духовный мир Другого и истолковывает чужой опыт, опираясь на непосредственно данное «телесное поведение» Другого, благодаря чему появляется возможность Чужое мыслить как аналог моего Собственного, как его интенциональную модификацию. Понятие «моего собственного» не только не отрицает Другого, оно «основано на понятии "другого" и,

следовательно, предполагает последнее» [2, с. 200]. Подобная способность к модифицируемости заложена в самом трансцендентальном Я. Признание других Я заставляет определить мир уже не как предметный, а как мир других Я, т.е. intersубъективный, где мир познается вместе с Другими не как «мое личное синтетическое образование, а как чуждый мне... intersубъективный, для каждого тут-сущий, для каждого доступный в его собственных предметах мир» [3, с. 50].

Таким образом, конституирование опыта Другого становится основой перехода от трансцендентального Я через «Ты» к «Мы – все» и основой для восстановления всех сфер «утраченного» в эпохе объективного мира в их подлинном значении. Сущность трансцендентального конституирования мира в Я состоит в том, что оно одновременно является человеческим миром и воплощается в душе каждого человека в интенциональных переживаниях, где обнаруживается «каждый Другой как царство бесконечно открытых доступностей» [3, с. 85]. Поэтому путь к трансцендентальной intersубъективности лежит через осмысленную трансцендентальную субъективность, где каждое «Я» должно быть конституировано в мире как личность, а это значит, что любой человек несет в себе трансцендентальное «Я». Человек не просто присутствует в мире наряду с другими его объектами, а конституирует вокруг себя культурный и социальный мир. Через возможность подобного рода модификации по аналогии с «внутренним сознанием времени» достигается особая форма трансцендентальности, всеобщности, научности гуманитарного знания.

Дальнейший вклад в разработку intersубъективной методологии гуманитарного знания внес М.М. Бахтин, с именем которого связано формирование концепции диалогизма как основы взаимосвязи и преемственности культур, взаимопонимания и духовного единства людей в постнеклассическом понимании текста. В отличие от Гуссерля, в своих исследованиях Бахтин решительно отказывается от познания мира и человека через самого себя, предлагая взамен теорию и механизм познания через Других. Другие, в его понимании, не просто делят тот же самый мир, в котором находится Я, они завершают систему, придают ей целостность, благодаря чему мир становится лишь как окружение Другого, изреченный и высказанный. По утверждению Бахтина, все приходит в сознание из внешнего мира через уста Других, с их интонацией, в их эмоционально-ценностной тональности. Осознание себя происходит через Других благодаря словам, формам «для получения первоначального представления о себе самом» [1, с. 342].

В мире без Другого сознание, видение, восприятие оказывается замкнутым на себе самом. Все, что не воспринято, не понято Я оказывается неписанным в структуру мира, находится вне его. Согласно философии Бахтина, мыслить – значит говорить, а говорить – значит обращаться к кому-то, мыслить для Другого. Так, в рамках intersубъективной методологии гуманитарного знания появляется тема диалога, т.е. духовного разделения и

объединения, сотворчества, совместного творения мира себя и общения. В диалог может вступить только такой субъект, который является личностью, способен воспринять Другого как личность и относиться к нему через удивление и самоиронию. Подобные взаимоотношения отличаются от акта познания, где гносеологический субъект связан с потерей индивидуального Я, становится безличным и бескачественным. В свою очередь, субъект диалога представляет собой нечто живое, реагирующее на вопрошание собеседника и сам ход диалога, благодаря чему достигается взаимопонимание при сохранении своей инаковости. Результатом эстетической деятельности становится рождение Другого в «новом плане бытия», определенным «трансгредитным» Другому смысловым контекстом с ориентацией на «чужое сознание».

Так, согласно Бахтину, герои Достоевского представляют собой точки зрения на мир и на самих себя, смысловые и оценивающие позиции по отношению к окружающей действительности и предстают не в виде законченного художественного образа, а в качестве сознания и самосознания. Поэтому слово о герое есть его самосознание, в которое включается предметный мир, вовлеченный в кругозор не автора, а героя, который является в то же время идеологом, несущим слово и о мире. Сохранение дистанции между идеологией автора и идеей героя позволяет изображать чужую идею в действии и диалоге с другими равнозначными.носителем подобной идеи может быть только «человек в человеке» в его незавершенности, т.к. она живет, формируется, развивается только в контакте с другими. Поэтому идея интерсубъективна, имеет диалогическую природу и разыгрывается на стыке нескольких сознаний.

В целом концепция интерсубъективности восходит к фундаментальной идее неклассической философии об активной роли субъекта в процессе понимания и порождения смысла, благодаря чему само существование человека, связанное с такими его свойствами, как открытость, «расположенность», относятся не только к миру людей, но и простираются на различные сферы бытия. Тем самым интерсубъективность связана с идеей бытия, а гуманитарное знание предстает как особая, открытая форма всеобщности, универсальности, трансцендентальности, позволяющая при наличии самостоятельного сознания оценивать окружающую действительность, меняться, вступая в диалогическую связь с другими сознаниями.

В сфере интерсубъективного анализа художественного текста его возможностью выхода на трансцендентальный уровень особым становится обращение к Лирическому герою (Лирическому субъекту), или образу произведения. Образ представляет собой категорию эстетики, характеризующую особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. В художественном дискурсе образы создают возможность надления «голосом» всего того, что в обычной жизни исключено, скрыто,

подавлено, благодаря чему раскрывается взаимное проникновение Я и Другого, снимаются различия, передается состояние «между», что выявляет собой процесс интерсубъективности, рассмотрения сущности человека и его отношений с миром и Другими.

По смысловой обобщенности образы делятся на «индивидуальные, характерные, типические, образы-мотивы, топосы и архетипы» [4, с. 254]. Индивидуальные образы созданы самобытным, причудливым воображением художника и определяют меру его гениальности и неповторимости. Характерные образы раскрывают закономерности общественно-исторической жизни, запечатлевают нравы и обычаи, распространенные в определенной эпохе и среде. В контексте интерсубъективного анализа текста особый интерес представляют образы типические. Они являются высшей степенью характерности, благодаря которой образ вбирает в себя существующие особенности конкретно-исторического, социально-характерного и перерастает границы своей эпохи, обретая общечеловеческие черты и раскрывая устойчивые, вечные свойства человеческой природы.

Так, к вечным литературным образам можно отнести Дон Кихота, олицетворяющего собой благородное, но лишенное жизненной почвы мечтательство; Гамлета – нарицательный образ раздвоенного, раздираемого противоречиями человека. Подобные характеры воплощают такие общие черты, качества и свойства, которые присущи огромному количеству людей. При этом каждый из них воплощает в себе по преимуществу какую-либо одну черту, резко, рельефно выраженную над всеми остальными. К таким ярким примерам можно отнести невежество Митрофанушки, кулачество Собакевича, скупость Плюшкина, лень Обломова.

Примером создания художественного образа, или типа в портрете, может служить «Протодьякон» И.Е. Репина, где художник передал черты целого сословия, создал обобщенный, социально-типический образ. В таких пейзажах-картинах, как «Грачи прилетели» А.К. Саврасова, «Золотая осень» И.И. Левитана, «Московский дворик» В.Д. Поленова, «В голубом просторе» А.А. Рылова, переданы типические образы русской природы.

Все перечисленные разновидности образов являются единичными по сфере своего бытования, творением одного автора в пределах одного конкретного произведения, но подобные образы живут долгие годы в сознании человечества, т.к. в них обобщены типичные недостатки или достоинства человека, устойчивые его черты характера. Поэтому каждый субъект в художественном произведении является представителем бесчисленного множества лиц одного рода, благодаря чему появляется возможность назвать человека «настоящим Отелло», а девушку – «совершенной Офелией».

Разновидностью intersубъективных образов для обоснования трансцендентальности гуманитарного знания являются такие, как мотив, топос, архетип, которые представляют собой обобщение уже не по «отраженному», реально-историческому содержанию, а по условной, культурно выработанной и закреплённой форме. Они характеризуются устойчивостью своего собственного употребления, выходящего за рамки одного произведения.

Так, мотив является образом, повторяющимся в нескольких произведениях одного или многих авторов, акцентирующим на творческих пристрастиях писателя или целого художественного направления. Таковы образы-мотивы метели и ветра у А.А. Блока; дождя и сада у Б.Л. Пастернака; углов и порогов, очищения через страдание у Ф.М. Достоевского; моря и гор у писателей-романтиков; образа пути, путника, скитаний по бездорожью или неустанного движения вперед, трудного восхождения у В.Я. Брюсова. Мотив любви чужеземки к пленнику выявляется в «Кавказском пленнике» Пушкина и Лермонтова, «Атала» Шатобриана. Множество работ посвящено развитию того или иного мотива в литературе и фольклоре, где популярными становятся образы Летучего голландца, Улисса, Дон Жуана, Элоизы, Абеяра и т.д.

Трансформированный фольклорный мотив «борьбы за невесту» представлен в сознательной гибели героя из-за женщины во многих произведениях XIX–XX вв. Так, самоубийство Вертера в романе «Страдания молодого Вертера» Гете, гибель Владимира Ленского в романе Пушкина «Евгений Онегин», смерть Ромашова в романе Куприна «Поединок». Осмысление чужеродного и своих отношений с ним есть существеннейшая черта человека, выделяющая его из природного мира и объединяющая с другим человеком, выявляя трансценденцию в особом измерении бытия на основе диалога.

Топос, в отличие от мотива, представляет собой образ, характерный уже для целой культуры данного периода или нации. В них выражает себя художественное сознание целой эпохи, где современное понимание топоса предполагает комплекс устойчивых глубинных представлений в национальной культуре, имеющих соответствующее сюжетное или мотивное оформление в литературе.

Так, топосы дороги или зимы для русской литературы становятся популярными в творчестве Пушкина, Гоголя, Некрасова, Блока. В произведениях Пушкина особый статус приобретает слово-топос «Неаполь», которое появляется в письменном наследии как отражение его представлений об итальянском городе, что является в большей мере свидетельством восприятия и концепции города в русском эстетическом сознании. В работах Гоголя и Достоевского intersубъективным оказывается персонифицированный топос Петербурга, «райский» сад как архетипический образ в произведениях Чехова.

В свою очередь, образы-архетипы заключают в себе наиболее устойчивые «схемы» или «формулы» человеческого воображения, проявляющиеся в мифологии, искусстве на всех стадиях его исторического развития, как в архаике, классике, так и в искусстве современности. Пронизывая всю художественную литературу до современности, архетипы создают постоянный фонд сюжетов и ситуаций, передающийся от писателя к писателю в собственном внутреннем опыте, т.е. в особом измерении бытия. Понятие архетипа имеет различные источники происхождения, главными из которых являются «вечные образы» мировой литературы, христианско-библейская тематика, античная мифологическая традиция, а также писательская индивидуальность с точки зрения ее роли в формировании дальнейшего литературного процесса. Так, исследователи отмечают архетипичность произведений Пушкина как значимой творческой стороны классика.

Таким образом, интерсубъективность, опыт Другого, художественный образ в многообразии его проявления – типического, мотива, топоса, архетипа служат методологическим обоснованием всеобщности, открытости, трансцендентальности, научности гуманитарного знания.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – 383 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – С.Пб. : Наука ; Ювента, 1998. – 315 с.
3. Гуссерль Э. Пятая картезианская медитация // От Я к Другому : сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск : Менск, 1997. – С. 45–98.
4. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – С. 252–257.
5. Микешина Л.А. Трансцендентальное измерение гуманитарного знания // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 49–66.
6. Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие. – М. : Прогресс-Традиция ; МПСИ ; Флинта, 2005. – 464 с.
7. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецов. – М. : ИНФРА-М., 2004. – С. 553–554.

Рецензенты:

Ковригин Б.В., д.филол.н., профессор кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда.

Оботурова Г.Н., д.филол.н., профессор, зав. кафедрой философии Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда.